

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО. ФИЛОЛОГИЯ

PUBLISHING. PHILOLOGY

УДК 81'33

А. А. Баркович

Минский государственный лингвистический университет

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО. ТРЕНДЫ ОПИСАНИЯ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКИ

В данной статье рассмотрена проблематика лингвистической интерпретации современной речевой практики в семантическом аспекте. Проанализирована научная рефлексия по поводу соотношения феномена «слово» с реалиями коммуникации. Подтверждена релевантность слова лингвистической парадигматике в целом – оно остается в практике языкознания. Вместе с тем ограниченность лексикоцентрического инструментария обуславливает насущную необходимость расширять горизонт изучения семантики далеко за пределы слова как метаязыкового ориентира. В коммуникации значимость любого высказывания не является арифметической суммой семантики слов, представляя собой сложную содержательную субстанцию, присущую конкретной коммуникационной ситуации. Аргументирована актуальность развития сложных инструментов репрезентации семантики – в частности, металексической значимости – с учетом функциональности единого семантического поля языка. В контексте исследования проведена лингвистическая дифференциация таких универсалий, как понятие и концепт. Охарактеризованы тренды описания коммуникационной семантики: формализация, структуризация и моделирование.

Ключевые слова: слово, семантика, металексическая значимость, единое семантическое поле, формализация, структуризация, моделирование.

Для цитирования: Баркович А. А. В начале было слово. Тренды описания речевой практики // Труды БГТУ. Сер. 4, Принт- и медиатехнологии. 2023. №1 (267). С. 76–81. DOI: 10.52065/2520-6729-2023-267-1-11.

A. A. Barkovich

Minsk State Linguistic University

IN THE BEGINNING WAS THE WORD. TRENDS IN DESCRIPTION OF SPEECH PRACTICE

This article deals with the problem of linguistic interpretation of modern speech practice in the semantic aspect. Scientific reflection is analyzed regarding the correlation of the “word” phenomenon with the realities of communication. The relevance of the word within linguistic paradigmatics as a whole is confirmed – it remains in the practice of linguistics. At the same time, the limitations of lexicocentric tools determines the urgent need to expand the horizon of semantic studying far beyond the limits of the word as a metalanguage landmark. In communication, the significance of any message is not equal some arithmetic sum of the words’ semantics representing a complex substantive substance inherent in the concrete communication situation. The appropriateness of the development of complicated instruments for the representation of the semantics is argued – in particular, the metalexical significance – considering the functionalism of the unified semantic field of the language. In the context of the study, linguistic differentiation of such universals as notion and concept was carried out. Such trends of descriptions of communicational semantics as formalization, structuring and modeling are described.

Keywords: word, semantics, metalexical significance, unified semantic field, formalization, structuring, modeling.

For citation: Barkovich A. A. In the beginning was the word. Trends in description of speech practice. *Proceedings of BSTU, issue 4, Print- and Mediatechnologies*, 2023, no. 1 (267), pp. 76–81. DOI: 10.52065/2520-6729-2023-267-1-11 (In Russian).

Введение. Насыщение современной коммуникации вторичными семиотическими системами обуславливает ее крайнюю зависимость от актуального лингвистического обеспечения. В свою очередь важнейшую роль в корректной лингвистической репрезентации речевой практики играет глубина и дискретность инструментария семантического анализа.

Проблематика такого рода не является абсолютно новой: вопросами научного описания значимости как категории занимались многие видные ученые. Так, Э. Бенвенист определил семантическую проблематику следующим образом: «Многие лингвисты хотели бы свести отношение между формой и значением к понятию формы, но не могли избавиться от ее коррелята – значения. Чего только не делали, чтобы не учитывать смысл, избегать его и отмежеваться от него. Напрасные попытки – оно, как голова Медузы, всегда находится в центре языка, очаровывая тех, кто его наблюдает» [1, с. 136]. Данное замечание было сделано задолго до эры интернета, его актуальность сегодня возросла многократно.

Основная часть. В данной связи, пожалуй, одним из фундаментальных вопросов является проблема соотношения феномена языка «слово» с реалиями речевой практики.

Поверхностность традиционного взгляда на слово как на ключевую единицу языка была замечена давно: «... слово, несмотря на все трудности, связанные с определением этого понятия, есть единица, неотступно представляющая нашему уму как нечто центральное в механизме языка; одной этой темы было бы достаточно для целого тома. ... Нельзя сказать, что в лингвистике эта центральная проблема когда-либо уже ставилась и что все ее значения и трудности ее решения полностью осознаны; до сих пор в области языка всегда довольствовались операциями над единицами, как следует не определенными» [2, с. 143]. Ф. де Соссюр вполне справедливо называл слово «единицей, как следует не определенной».

Современные реалии коммуникации подтверждают ограниченность потенциала лексикоцентричности в лингвистике, – как показала практика, с помощью только словарей невозможна полная автоматизация перевода, анализа и синтеза речи и других актуальных приложений «искусственной интеллектуализации» коммуникации. Информационно-обусловленная речевая практика диктует интерес к исследованию многоуровневой семантики речи. И здесь в роли лингвистических универсалий вполне могут рассматриваться такие инновационные категории, как *металексическая значимость* и *единое семантическое поле языка*.

Металексическая значимость – содержательная характеристика дискурса, выражающая его семантическую идентичность и функциональность за счет комплекса значений языковых единиц. Традиционно семантика языка в лингвистическом описании анализируется, т. е. искусственно делится на фрагменты, – в приоритетном порядке на семантику слов. Объем значимости, например, сем, семем, семантем рассматривается с ориентацией на «словные» фреймы языка. При этом лингвистический инструментарий всегда позволял и позволяет устанавливать и иные рамки значимости, например учитывать семантику единиц речи, которая явным образом не будет тождественной семантике единиц языка, так называемой «лексической семантике». *Металексичность* – свойство лексики агрегировать и реализовывать в коммуникации не только собственнолексический, но также суб- и гиперлексический потенциал значимости [3, с. 293]. Описание речевой практики с учетом металексической значимости языковых единиц представляется перспективной лингвистической методикой [4].

Так или иначе, стремление опереться на слово как привычный метаязыковой инструмент основано на сложившихся стереотипах лингвистической практики. Однако общеизвестно, что, являясь совершенно определенно логической абстракцией, слово, вернее лексическая единица, в метаязыковом контексте не является самодостаточным языковым артефактом, питаясь жизненной силой *единого семантического поля* языка [5, 6]. **Единое семантическое поле** языка как семантический континуум существует объективно: «... нет деления словаря на семантические поля, если не принимать искусственных принципов классификации и не заменять семантические компоненты бинарными или другими дифференциальными признаками; из любого семантического поля через более или менее длинную цепь промежуточных звеньев можно попасть в любое другое поле, так что семантическое пространство языка оказывается в этом смысле непрерывным» [5, с. 252]. И, естественно, в речи значимость любого высказывания, текста не является арифметической суммой семантики слов, представляя собой качественно новую содержательную субстанцию, присущую какой-либо конкретной коммуникационной ситуации. Язык обновляется с каждым фактом его использования. Но естественным образом его сингулярность как матрицы сохраняется, что позволяет учитывать его изменчивость в конкретной коммуникационной ситуации. Пока в силу технических сложностей интерпретация и репрезентация единой семантической

структуры того или иного языка возможны, скорее, гипотетически. Однако подобный охват языковой семантики позволил бы описывать и речевую практику на качественно новом уровне.

Вполне реальным путем лингвистического решения подобных проблем может быть максимально широкая, или тотальная, *формализация* семантической составляющей речевой практики. При этом трудоемкость процессов формальной интерпретации устной речи пока не позволяет прогнозировать соответствующее скорое решение задач в масштабе языка: на расшифровку и метаязыковую разметку одной минуты записи «живой» речи у эксперта уходит не менее часа работы. Вместе с тем даже ограниченный анализ речевой практики с помощью компьютерной техники уже приносит впечатляющие результаты. Так, появились основания для революционных по своей сути выводов о том, что разговорный русский язык – синтетический в литературном виде – приобретает черты не только аналитического, но и изолирующего строя. Характерно следующее наблюдение из речевой практики: «Например, если я представляюсь незнакомому человеку, правильная синтетическая русская фраза может звучать примерно так: “Меня зовут Ольга, я работаю в Русском репортере”... Но в реальной жизни я говорю так же, как и все журналисты в России: “Ольга. Русский репортер”» (http://expert.ru/russian_reporter/2010/38).

Приведенный пример свидетельствует не об упрощении семантической функциональности русского языка, а о ее изначальной глубине и гибкости. Вряд ли, конечно, речь идет только о перераспределении семантической нагрузки лексемы в пользу корневой морфемы, что является косвенным результатом номинационной динамики языковой системы, – скорее, о некоторой адаптации компьютерно-опосредованных естественных языковых систем к максимально эргономичной и дифференцированной семантике формальных языков. **Тренд формализации языковой семантики** подтверждается и постоянно декларируемым вниманием исследователей к обустройству, например, нового поколения инструментария интернета – *Semantic Web* (англ. – ‘Семантическая паутина’) [см., например, 7, с. 5].

Тренд структуризации языковой семантики посредством верификации словарного состава естественных языков в условиях тотального компьютерного опосредования коммуникации помогает синхронизировать работу лингвистов с требованиями времени. Соответствующая стратегия, в частности, успешно реализована в серии словарей *COBUILD*, или

Collins Birmingham University International Language Database (англ. – ‘Международная языковая база данных «Коллинз» и Бирмингемского университета’): «Все словари серии *COBUILD* базируются на информации, которую мы находим в *Bank of English*TM и *Collins corpus*» [8]. Более того, если раньше словарная практика имела непререкаемый лингвистический авторитет, то сегодня – все чаще наоборот: словари базируются и выверяются по лингвистическим корпусам, средоточию образцов речевой практики. Характерно следующее наблюдение Н. Д. Голева: «В последнее время лингвисты, недовольные интуитивным решением проблемы формирования лексического состава словарей, все чаще обращаются к Национальному корпусу русского языка и данным интернета, а также к лингвистическому эксперименту как более надежным источникам» [8, с. 185].

Компьютерный потенциал обработки речи высоко оценивается применительно к самым разным аспектам языкознания. Так, *лингвистические корпусы* доказали свою высокую эффективность в развитии автоматизированного перевода: «В последнее время не может быть сомнений в важности или необходимости использования корпусов при переводе. Равным образом онлайн-корпусы проявили себя как наиболее эффективный инструмент в контексте коротких сроков выполнения заданий и скорости, которые сейчас востребованы в индустрии переводов...» [10]. Более того, современный автоматизированный перевод, как правило, основывается не только на базах данных, скомпилированных из словарей, но и на образцах речевой практики, языковой интуиции широкого круга носителей того или иного языка [см., например, 11].

Речевая практика – как непосредственный предмет современной практико-ориентированной лингвистики – постоянно репродуцируется и реализуется в колоссальном разнообразии текстов. Практика создания ее метаописаний требует учета не произвольных выборов, а полного объема референтных данных. И эти данные целесообразно анализировать в функциональном контексте, учитывая не только дефиниции в словарях, но и их проекции в коммуникационных ситуациях. Соответствующие лингвистические обобщения востребованы, поскольку обладают объективным характером. Однако при всей значимости для современной лингвистической парадигмы эмпирических данных их релевантность в конечном итоге в весьма существенной степени зависит от качества их обобщения и систематизации – в виде моделей. **Тренд моделирования языковой семантики** последовательно реализуется в практике ком-

плексных исследований, и методика моделирования практически безальтернативна для описания сложноорганизованной и репрезентативной речевой практики, обеспечивая научную эффективность анализируемых результатов. Еще до эпохи компьютерно-опосредованной коммуникации наиболее реалистичной и близкой к самому объекту интерпретации, языку, виделась доминантная модель языковой семантики с множеством «центров притяжения» – субмоделей. Такую точку зрения считал приемлемой, например, Э. Бенвенист [1]. С распространением компьютерных технологий и интернета проблематика существенно усложнилась: стала по-настоящему значимой статистическая составляющая метаописаний, и в исследованиях начали учитывать все доступные для обобщения данные. В таком контексте сложно переоценить научную актуальность моделирования как практики *компактной* репрезентации данных с сохранением их *идентичности*. Та семантика, которая востребована для компьютерного опосредования лингвистики, – чрезвычайно экстенсивный аспект лингвистического описания, и моделирование в семантических метаописаниях особенно уместно.

В семантическом аспекте языковые единицы, знаки имеют две стороны содержания – понятие и концепт: «Многие (в том числе и современные) исследователи не заметили введения нового термина для обозначения смысла высказывания, поэтому в большинстве философских словарей и энциклопедий понятие отождествляется с концептом. Между тем необходимо и целесообразно четко разграничивать понятие и концепт» [12].

Понятие безлично, выполняет функции обозначения определенной сущности вне зависимости от коммуникации. Это – результат познания. Концепт же формируется в речи. В том числе благодаря этому термину «... прежде единое Слово жестко разделилось на язык и речь» [12]. Речь функционирует «... в пространстве души с ее ритмами, энергией, жестикующей, интонацией, бесконечными уточнениями, составляющими смысл комментаторства ...» [12]. Концепт субъективен: «Изменяя душу индивида, обдумывающего вещь, он при своем формировании предполагает другого субъекта (слушателя, читателя), актуализируя смыслы в ответах на его вопросы, что и рождает диспут» [12]. Так или иначе «диспут» о концепте ведется уже более тысячи лет, со времен Пьера Абеляра, но «многие (в том числе и современные) исследователи», как и тысячу лет назад, не различают объективное и субъективное.

О понятии как абстрактном представлении денотата в коллективном сознании известно многое – из понятий составлены словари и учебники [13, с. 322]. Концепт же как субъективная реализация понятия – материя более тонкая, достижимая только посредством индивидуальной мыслительной деятельности и ее материальной проекции – речи [14]. Речь в форме текстов является не только средой существования концептов – концепты создают контекст речи. Каждый текст организован концептами. Некоторые из этих концептов имеют приоритет, являются доминирующими [15, с. 78]. Конечно, и понятия, и концепты реализуются в форме слов, однако, очевидным образом, совсем не слова организуют мышление и речь. Без учета этой данности содержание любого текста или фрагмента коммуникации не может быть объективно отражено и представлено, в частности, в компьютерно-опосредованной коммуникации.

Заключение. Так или иначе, описание речевого взаимодействия языковых единиц для практически открытого множества коммуникационных реализаций – задача непростая. Сегодня можно уверенно констатировать, что существующие ограничения компьютерного опосредования коммуникации диктуют «семантические» подходы к интерпретации функциональности языка: как никогда ранее в фокусе лингвистических исследований оказалась семантика. И в данной связи атрибутами научной рефлексии становятся новые категории и универсалии лингвистики, такие как металексическая значимость и единое семантическое поле языка. Соответствующие им реалии не новы, но стали «видимыми» и актуализируются в контексте в чем-то более богатой, в чем-то более бедной по сравнению с традиционной, компьютерно-опосредованной коммуникации.

При этом не потеряли своей актуальности и уже освоенные средства репрезентации языкового континуума и речевой реальности – понятия и концепты. Активными трендами описания современной речевой практики становятся формализация, структуризация и моделирование семантики. Соответственно, тренды формализации, структуризации и моделирования семантики в контексте общего прикладного мейнстрима расширяют «лексические» рамки лингвистики. А слово? Оно остается в практике языкознания, но ограниченность релевантного «лексического» инструментария обуславливает насущную необходимость расширять горизонт изучения семантики далеко за пределы слова как метаязыкового ориентира.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
2. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики: пер. с франц. // Труды по языкознанию. 1977. С. 31–273.
3. Баркович А. А. Информационная лингвистика: метаописания современной коммуникации. М.: ФЛИНТА: Наука, 2019. 360 с.
4. Баркович А. А. Компьютерно-опосредованная коммуникация: потенциал металексической значимости // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 7 (152). С. 38–43.
5. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 1: Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.
6. Барковіч А. А. Метамоўная характарыстыка камп'ютарна-апасродкаванага дыскурсу: дыс.: ... докт. філал. навук: 10.02.19. Мінск, 2016. 438 л.
7. T. Berners-Lee. Framework for Web Science // Foundations and Trends in Web Science. 2006. Vol. 1, no. 1. P. 1–130.
8. About the Collins Corpus and the Bank of English™. URL: <http://www.mycobuild.com/about-collins-corpus.aspx> (date of accessed 29.10.2022).
9. Голев Н. Д. Лексическая реализация как функциональная характеристика словообразовательной системы русского языка и количественные параметры ее описания // Осмьдесят: сб. науч. статей к 80-летию И. С. Улуканова, 2015. С. 183–193.
10. Corpora Pastor G., Seghiri M. Specialized Corpora for Translators: A Quantitative Method to Determine Representativeness. Translation Journal. 2007. Vol. 11, no. 3. URL: <http://www.bokorlang.com/journal/41corpus.htm> (date of accessed 30.12.2022).
11. Словарь Мультитран [Электронный ресурс]. URL: <http://www.multitrans.ru> (дата доступа: 30.12.2022).
12. Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичёв [и др.]. М.: Сов. энцикл., 1983. 840 с.
13. Вежбицкая А. Семантические универсалии и «примитивное мышление» // Язык. Культура. Познание. 1996. С. 291–325.
14. Барковіч А. А. Культурныя дамінанты камп'ютарна-апасродкаванай камунікацыі // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. гуманітарных навук. 2015. № 2. С. 78–83.
15. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Язык русской культуры, 1997. 824 с.

References

1. Benveniste E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974. 447 p. (In Russian).
2. Sossyur F. Course of General Linguistics. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works on Linguistics], 1977, pp. 31–273 (In Russian).
3. Barkovich A. A. *Informatsionnaya lingvistika: metaopisaniya sovremennoy kommunikatsii* [Informational linguistics: meta-descriptions of modern communication]. Moscow, FLINTA Publ.: Nauka Publ., 2019. 360 p. (In Russian).
4. Barkovich A. A. Computer-mediated communication: the potential of metalexical significance. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki* [Scientific notes of Petrozavodsk State University. Social and human sciences], 2015, no. 7 (152), pp. 38–43 (In Russian).
5. Apresyan Yu. D. *Izbrannyye trudy: v 2 t. T. 1: Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskiye sredstva yazyka* [Selected Works], vol. 1, Lexical Semantics. Synonymous Means of Language. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1995. 472 p. (In Russian).
6. Barkovich A. A. *Metamounaya kharaktarystyka kamp'yutarna-apasrodkavanaga dyskursu. Dysertatsyya doktora filalogichnykh navuk* [Metalanguage characteristics of computer-mediated discourse. Dissertation DSc (Philology)]. Minsk, 2016. 438 p. (In Belarusian).
7. T. Berners-Lee. A Framework for Web Science. *Foundations and Trends in Web Science*, 2006, vol. 1, no. 1, pp. 1–130 (In English).
8. About the Collins Corpus and the Bank of English™. Available at: <http://www.mycobuild.com/about-collins-corpus.aspx> (accessed 30.12.2022) (In English).
9. Golev N. D. Lexical implementation as a functional characteristic of the word-formation system of the Russian and quantitative parameters of its description. *Osm' desyat': sbornik nauchnykh statey k 80-*

letiyu I. S. Ulukhanova [Eighty: Collection of scientific articles dedicated to the 80th anniversary of I. S. Ulukhanov], 2015, pp. 183–193 (In Russian).

10. Corpas Pastor G., Seghiri M. Specialized Corpora for Translators: A Quantitative Method to Determine Representativeness. *Translation Journal*, 2007, vol. 11, no. 3. Available at: <http://www.bokorlang.com/journal/41corpus.htm> (accessed 30.12.2022) (In English).

11. Dictionary Multitran. Available at: <http://www.multitran.ru> (accessed 30.12.2022) (In Russian).

12. Ilyichev L. F., Fedoseev P. N., Kovalev S. M., Panov V. G. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsyklopediya Publ., 1983. 840 p. (In Russian).

13. Vezhbitskaya A. Semantic universals and “primitive thinking”. *Yazyk. Kul'tura. Poznaniye* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, Russkiye slovari Publ., 1996, pp. 291–325 (In Russian).

14. Barkovich A. A. Cultural dominants of the computer-mediated communication. *Vesti Natsyyanal'nyay akademii navuk Belarusi* [News of the National Academy of Sciences of Belarus], series Human sciences, 2015, no. 2, pp. 78–83 (In Belarusian).

15. Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 824 p. (In Russian).

Информация об авторе

Баркович Александр Аркадьевич – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой информатики и прикладной лингвистики. Минский государственный лингвистический университет (220034, г. Минск, ул. Захарова, 21, Республика Беларусь). E-mail: albark@tut.by

Information about the author

Barkovich Aleksander Arkad'yevich – DSc (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Informatics and Applied Linguistics. Minsk State Linguistic University (21, Zakharova str., 220034, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: albark@tut.by

Поступила 20.01.2023